

В. П. СТЕПАНЕНКО

ИШХАНЫ ЭДЕССЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ГОРОДА В 70-Х ГОДАХ XI—НАЧАЛЕ XII В.

История Эдессы XI в. сравнительно мало привлекала внимание исследователей¹, ведь, будучи предельно насыщен событиями, данный период сравнительно слабо освещен в источниках. Наиболее сложными и противоречивыми в судьбах Эдессы были 1077—1098 гг., время сельджукской экспансии на Ближнем Востоке, Первого крестового похода и образования государств крестоносцев на территориях Сирии, Месопотамии, Палестины. Сравнительно рано утраченная Византийской империей, Эдесса, по словам Ж. Лорана, «была оспариваема многочисленными соискателями, посредством силы переходила из рук в руки, от одного господина к другому, и это не всегда обходилось без грабежей и экзекуций. Она должна была искать власти могущественной и стабильной»². Традиционно, начиная с работ Ж. Лорана, Эдесса периода 1077—1098 гг. рассматривалась именно как объект международных отношений, последовательно переходивший от одних властителей к другим, входивший в состав владений или следовавший в русле политики государя, контролировавшего в тот или иной период положение на Ближнем Востоке. Однако тот же Лоран отмечал наличие в самом городе силы, стремившейся в известной мере определять внешнеполитическую ориентацию Эдессы³. Французский исследователь не возвращался в дальнейшем к данному вопросу, хотя существующие источники, в первую очередь «Хронография» Матэоса Урхайеци, дают возможность достаточно полно проследить изменение внешнеполитической ориентации Эдессы в 1077—1098 гг. (и осветить роль двенадцати ишханов — органа городского самоуправления⁴) в этом, казалось бы, вызванном чисто внешними факторами процессе. Более того, ряд обстоятельств внутриполитической борьбы, происходившей тогда в городе, можно объяснить именно внешнеполитическими устремлениями ишханов Эдессы, столкновением интересов различных группировок правящей верхушки города.

Как известно, после 1071 г. вследствие сельджукской экспансии в Малой Азии большая часть византийских владений в Сирии и Месопотамии оказалась под властью Филарета Врахамия, ранее — доместика схол Востока, порвавшего с империей. В 1076 г. его войска вступили в Антио-

¹ Об Эдессе XI в. см.: *Duval R. Histoire politique, religieuse et littéraire d'Edesse jusqu'à la première croisade.* — JA, 1892, XIX, 8 série; *Laurent J. Des Grecs aux Croisés. Etude sur l'histoire d'Edesse entre 1071—1098.* — Byz., 1924, I, p. 367—449; *Idem. Byzance et les Turcs Seljoucides dans l'Asie Occidentale jusqu'à 1081.* — *Annales de l'East, Paris, Nancy, 1919, 28; Cahen Cl. La première pénétration Turque en Asie Mineure au XI s.* — Byz., 1948, 17—18, p. 1—67; *Beaumont A. Albert of Aachen and the county of Edessa.* — In: *The crusades and other historical essays / Presented to D. C. Munro. N. Y., 1968 (repr. 1928); Segal J. Edessa. The Blessed city.* Oxford, 1970; *Апутьюнова В. А. Византийские правители Эдессы в XI в.* — ВВ, 1973, 35, с. 137—153.

² *Laurent J. Des Grecs. . .*, p. 399.

³ *Ibid.*, p. 448.

⁴ См.: *Степаненко В. П.* К статусу и функциям совета двенадцати ишханов в Эдессе XI в. (в печати).

хию, а в 1077 г. осадили номинально византийскую Эдессу, которая открыла ворота полководцу Филарета — Василиу, сыну Абукаба, ставшему наместником города и правившему именем Врахамия⁵. Васил был тесно связан с Эдессой, где еще в 1065—1066 гг. жил его отец Абукаб, в прошлом — дука города⁶. Вряд ли в этих условиях выбор именно Васила, которого Филарет направил для захвата Эдессы, был случайным. Осада завершилась мятежом жителей против византийского дуки и сдачей города Василиу. Последний оставался наместником Эдессы до 1083 г. Сообщая о его смерти в 1083 г., Маттэос Урхайеци пишет, что, узнав о ней, «сотворили собрание всего города в церкви св. Софии и передали Урху в руки Смбаата, мужественного и храброго бойца против турок. И поставили Смбаата на пост дуки Урхайского на шесть месяцев. И один из великих города вознамерился отнять пост дуки у народа армянского». Некий ишхан из рода Арджектон «возмутился и отправился к Филарету, ибо имел он в качестве сторонников много родов и семей могущественных в городе Урха. И возбудил ишхан Филарета и (тот) пленил Урху. И перешел город Урха в руки его. И спустя несколько дней велел Филарет схватить Ишхана и всех (его) приверженцев, и Смбаата, и разрушил до основания все дома их, и отделил великих ишханов армянских, которые были в городе Урха, и Арджука-ишхана предал мучениям, и других угнал в город Мараш. И лишил глаз Смбаата, мужа храброго, и глаз — Ишхана и его брата Тодорика, а других ишханов держал в оковах в городе Мараше из-за злого нрава своего⁷. Вероятно, тогда же воинские отряды, пришедшие ранее с Василиом, были заменены в городской цитадели верным Филарету гарнизоном. Наместником города был назначен некий паракаманос⁸.

Репрессии Филарета не привели к сколько-нибудь существенным положительным для него результатам, скорее всего, они оттолкнули от него представителей тех кругов правящей верхушки Эдессы, которые были готовы сотрудничать с ним. В этих условиях Врахамий сохранял контроль над городом лишь благодаря введенному в цитадель гарнизоны, с которым уцелевшие от расправы ишханы скоро смогли договориться.

Не санкционированное Филаретом избрание Смбаата в качестве преемника Васила обычно считается единственной причиной последовавших затем репрессий и рассматривается как проявление сепаратизма ишханов города, стремившихся если не к его отделению от удела Врахамия, то по меньшей мере к установлению автономии в рамках этого удела⁹. Между тем уже Р. Дювалю и Ж. Лорану были известны сведения Ибн аль-Асира и Бар Эбрея, вносящие существенные коррективы в традиционную трактовку событий 1083 г. и связывающие их с изменением общей политической ситуации на Ближнем Востоке в 1077—1083 гг.

В то время здесь шла борьба за гегемонию между тремя государствами — образовавшимися в 70-е годы сельджукскими Румским и Сирийским султанатами и эмиратом Укайлидов Мосула. Театром военных действий и основным объектом борьбы стала Северная Сирия, включавшая города Халев и Харран. Она граничила с территорией названных государств и с уделом Врахамия. В 1081 г. Халев и Харран были захвачены Укайлидом Муслимом ибн Курайшем, получившим таким образом временный перевес над соперниками¹⁰. Тогда же, как пишет Ибн аль-Асир, Укайлид «отнял Эдессу у греков»¹¹. С 1077 г., однако, наместником этого

⁵ *Маттэос Урхайеци*. Хронография. Вагаршапат, 1898 (далее: *Маттэос Урхайеци*), с. 222—223 (др.-арм. текст).

⁶ Там же, с. 51, 181.

⁷ Там же, с. 223.

⁸ Там же. О событиях 1083 г. см.: *Степаненко В. П.* Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города (К интерпретации событий 1083 г.) — В кн.: *Византия и ее провинция*. — АДСВ, 1982, с. 48—53.

⁹ *Laurent J. Des Grecs. . .*, p. 399. Ср.: *Степаненко В. П.* Государство Филарета Варажнуни. — АДСВ, 1975, 12, с. 96—97.

¹⁰ *Cahen Cl.* Op. cit., p. 38—39; *Gregorii Abylfaradj sive Bar Hebrai Chronicon Syriacum* / Ed. P. I. Bruns, G. G. Kirsch. Lipsiae, 1787, v. II (далее: *Abylfaradj*), p. 271.

¹¹ *Duval R.* Op. cit., p. 99, n. 1; *Ibn al Athiri Chronicon* / Ed. C. J. Tornberg. Lugduni Batavorum, 1864, v. X, p. 78.

города являлся Васил, умерший в 1083 г. Из рассказа Ибн аль-Асира создается впечатление, что Эдесса не была завоевана Муслимом ибн Курайшем и в ее цитадель не был введен гарнизон последнего, что речь может идти лишь о признании городом сюзеренитета Укайлида при сохранении автономии городом, наместником которого оставался Васил. Между тем последний мог сохранить власть лишь как ставленник торгово-ремесленной верхушки Эдессы — ее ишханов: ведь именно они, чувствуя себя подлинными хозяевами города, организовали избрание и его преемника Смба́та Вкха́ци, армянина-халкедонита и в прошлом также византийского полководца.

В пользу представления о том, что имело место соглашение ишханов Эдессы с Муслимом ибн Курайшем, и о том, что его политика в известной мере соответствовала их интересам, свидетельствует панегирическая оценка, данная Укайлиду Маттэосом Урхайеци: «Тагавор арабов Шереф ад Даула, сын Курайша, доброты и милосердия столь значительных в отношении поклоняющихся кресту, что перо не в состоянии описать все благодеяния, которыми они были осыпаны. . . , и наказания и муки, которые он наложил на своих подданных, чтобы покровительствовать христианам»¹². Ж. Лоран полагал, что причиной, приведшей к признанию Эдессой сюзеренитета эмирата Укайлидов, явился захват последним контроля над коммуникациями, связывавшими Харран и Халеб с его месопотамскими владениями¹³. Отчасти это так. Однако более существенную роль, на наш взгляд, сыграло то, что под властью эмирата оказались важнейшие пути международной торговли, соединявшие Закавказье и Иран с Сирией, Месопотамией и Северной Африкой. Стоявшая же на скрещении этих путей Эдесса издревле зависела от состояния транзитной торговли и потому — от владетеля, контролировавшего в данное время пути этой торговли¹⁴. Иными словами, контроль над торговыми путями давал владетелю власть и над Эдессой, экономически всецело зависевшей от их функционирования. Экономическая зависимость города неминуемо должна была сказаться и в политической сфере. Эдесса входила в состав удела Врахамия и управлялась его наместником, тогда как материальное благосостояние горожан, в первую очередь торгово-ремесленной верхушки Эдессы, во многом зависело от отношений города с эмиратом Укайлидов. Поэтому-то, на наш взгляд, ишханы Эдессы вполне добровольно признали сюзеренитет эмирата Укайлидов, сохранив автономию города и восстановив свои позиции в сфере международной торговли. Поэтому же позднее, после возвращения Эдессы под власть Врахамия, репрессиям подверглась именно городская верхушка, переход которой под власть Укайлида был расценен как измена бывшему сюзерену. Избрание Смба́та явилось лишь одним из проявлений этой «измены» и не сыграло той существенной роли в последующих событиях, которая приписывается ему Маттэосом Урхайеци.

Бар Эбрей приводит точную дату захвата Эдессы Врахамием — 23 сентября 1083 г.¹⁵ Успех Филарета во многом был связан с тем, что Муслим ибн Курайш в это время был занят подавлением мятежа наместника Харрана и не мог вмешаться в эдесские события¹⁶. И если, по сообщению Бар Эбрея, Филарет Армянин отнял Эдессу у турок, то из повествования Мат-

¹² *Маттэос Урхайеци*, с. 227.

¹³ *Laurent J. Des Grecs. . .*, p. 396.

¹⁴ Для раннего периода см.: *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.; Л., 1940, с. 46—47. В армянском итенеарии X в. Эдесса упоминается как стоявшая на скрещении двух важнейших торговых путей, которые вели из Закавказья и Ирана в Джазиру, Диар Бакр, Сирию, Месопотамию и Северную Африку. Первый путь: Двин — Хлат — Халимар — Эдесса вдоль Евфрата — Хомс — Дамаск — Иерусалим — Александрия — Пентаполис — Триполи к Атлантике; второй: Гандзак — Шахастан — Мосул — Нисибин — Эдесса. См.: *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, с. 255.

¹⁵ *Abylfaradj*, p. 271.

¹⁶ *Duval R. Op. cit.*, p. 99, n. 1.

тэоса Урхайеци видно, что решающую роль в этом сыграли распри внутри самой городской верхушки, расколовшейся на две группировки по вопросу о кандидатуре дукки города. Одна из них, возглавляемая Ишханом и недовольная избранием Смбата, выдвинутого, по-видимому, верхушкой армянской общины Эдессы, сдала город Филарету. Попытка последнего ликвидировать власть ишханов в городе, предупредив их возможные выступления против него в будущем, оказалась безуспешной. Во многом это объясняется крайне неблагоприятной ситуацией, сложившейся на Ближнем Востоке в начале 80-х годов XI в., когда борьба за гегемонию достигла здесь предельной остроты. Одной из первых жертв ее стал удел Филарета.

12 декабря 1084 г. султан Рума Сулейман ибн Кутлумыш внезапным ударом овладел Антиохией¹⁷. В ответ на требование Укайлида о выплате дани за Антиохию, как ранее это делал Филарет, султан бросил войска на Халев. Муслим ибн Курайш пытался перехватить румские войска на пути к городу и погиб в сражении. Халев был сдан Сулейману, что привело к вмешательству султана Сирии Тутуша в ход борьбы: он разгромил войска Рума у стен города. Сулейман погиб в сражении, но Тутуш не смог воспользоваться плодами победы — на Ближнем Востоке появился Великий Сельджуид Мелик-шах, произведший передел сирийских и месопотамских владений Рума и эмирата Укайлидов. В большинство городов Сирии и Месопотамии были назначены наместники султана¹⁸. Об этом еще не было известно, когда Филарет отправился из Эдессы в ставку султана, надеясь получить инвеституру на оставшиеся под его контролем территории. В отсутствие Филарета один из командиров размещенных в Эдессе отрядов, Парсама, «замыслил заговор свой нечестивый с некими ишханами города и сообща совершали дело безбожное Каина и Иуды»¹⁹. В ходе последовавшего затем переворота наместник Филарета в городе Паракаманос был убит. Парсама захватил цитадель и стал дукой Эдессы. Фактически к власти вернулись ишханы города, сохранявшие ее в течение шести месяцев. Переданная Мелик-шахом в удел полководцу Бузану, Эдесса отказалась открыть ему ворота.

Казалось бы, повторилась ситуация 1083 г. Город был осажден сельжукскими войсками и полгода отражал их натиск. Однако после того, как среди жителей начался голод, они подняли мятеж против Парсамы и, по-видимому, захватили цитадель. Парсама бросился вниз со стены и разбился. По словам Маттэоса Урхайеци, «вышли ишханы города к Бузану и передали Урху в руки его»²⁰. Объективно вхождение города в состав султаната Великих Сельджуидов, власть которого распространялась на всю Переднюю Азию, благоприятствовало восстановлению как безопасности торговых путей, так и позиций города в сфере международной торговли. «Покой великий, — констатирует Маттэос Урхайеци, — был возвращен в Урху и во всю страну нашу»²¹. Наместником города, правившим именем Бузана, стал салар Ксулук. По-видимому, вновь разгорелась борьба внутри городской верхушки Эдессы. Маттэос Урхайеци рассказывает, что «Аскар и некие другие мужи» оклеветали «армянских ишханов, которые находились в городе», и по доносу наместник казнил «ишханов армянских, двенадцать знаменитых, богатых и знатных». Речь явно идет о тех ишханах (в данном случае — двенадцати, составлявших орган городского самоуправления), которые ранее сдали Эдессу Бузану: ниже Маттэос сообщает, что полководец сожалел об их смерти, ибо дал

¹⁷ Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche / Ed. et trad. par J.-B. Chabot. P., 1905, v. III, p. 173; *Abylfaradj*, p. 279.

¹⁸ *Sahen Cl.* Op. cit., p. 47—49.

¹⁹ Маттэос Урхайеци, с. 233.

²⁰ Там же, с. 236 (27 февраля 1087 г.).

²¹ Там же, с. 236. Наиболее ярко это иллюстрирует поездка католика Барсега Анеци по армянским епархиям Ближнего Востока. После визита к Мелик-шаху в Рей католикос посетил Хоны, Кесарию, Эдессу, Антиохию. См.: Маттэос Урхайеци, с. 240.

клятвенное обещание сохранить им жизнь²². Таким образом, и в данном случае между ишханами и Бузаном было заключено соглашение, по условиям которого они открыли ему ворота города, получив по меньшей мере гарантию личной безопасности. А так как репрессии на этот раз коснулись сравнительно узкой группировки, то создается впечатление, что совет двенадцати продолжал функционировать некоторое время параллельно с наместником города, что свидетельствует о сохранении известных элементов автономии Эдессы и после ее перехода под власть Бузана.

Мирная передышка, которую город получил после 1086 г., была недолгой. Смерть Мелик-шаха и последовавшая за ней борьба за престол султана Великих Сельджукидов, завершившаяся распадом последнего, вновь сделала Ближний Восток ареной военных действий. В 1095 г. Бузан пал в сражении с Тутушем. На этот раз Эдесса без боя открыла ворота султану. И вновь из источников создается впечатление, что и на этот раз городская верхушка вошла в соглашение с Тутушем — иначе невозможно объяснить тот факт, что наместником султана в городе стал куропалат Торос, армянин-халкедонит, ранее являвшийся наместником Врахамия в Мелитене и, по-видимому, осевший в Эдессе после распада удела Филарета. Обычно он считается либо дукой Эдессы, и потому автономным представителем Византии на Востоке, что явно ошибочно, либо наместником Тутуша, о чем прямо пишет Маттэос Урхайеци²³. Однако статус Тороса был весьма своеобразен; ведь всей полнотой власти в качестве наместника Эдессы он явно не обладал — ему не был подчинен сельджукский гарнизон, введенный в цитадель. Однако именно присутствие последнего и гарантировало султану лояльность Эдессы в период борьбы за власть в султанате Великих Сельджукидов. Ввиду сказанного Торос может рассматриваться лишь как ставленник ишханов города, сохранивших власть в Эдессе и при новом ее сюзерене.

В феврале 1096 г. Тутуш погиб в сражении с наследником Мелик-шаха — Беркияруком. С поля боя в Эдессу бежали его сын Ридван и наместник Антиохии — Яги Сиан. Стремясь овладеть цитаделью, Торос предложил пленить беглецов, но, как сообщает Маттэос Урхайеци, «не сочли другие ишханы (это) приличным, и отправились они с миром в свои города»²⁴. Иными словами, в данном случае решающее слово осталось за ишханами города, которые предпочли сохранить лояльность по отношению к наследнику Тутуша. Однако распад Сирийского султана вскоре поставил Эдессу в зависимость от бывшего наместника Антиохии, а ныне ее владетеля Яги Сиана, которому подчинялся гарнизон цитадели²⁵. Возобновившиеся попытки Тороса если не захватить цитадель, то изолировать ее от города посредством постройки крепостной стены, защищавшей прилегающие к ней городские кварталы, привели к осаде Эдессы Сукманом ибн Артуком и эмиром Самосаты Балдухом. Они отошли от города при появлении у его стен Ридвана и Яги Сиана, повторивших неудачную попытку захвата Эдессы²⁶. Именно тогда командир армянского отряда, входившего в состав гарнизона цитадели со времен Тутуша, Мхитар-патрикий, смог передать ее Торосу²⁷, ставшему, таким образом, наместником города от имени его торгово-ремесленной верхушки.

То, что функции Тороса были именно таковы, доказываются следующим. Вплоть до 1098 г. ишханы Эдессы, обретшей шатку автономии после изгнания из цитадели сельджукского гарнизона, постоянно искали силу, способную упрочить внешнеполитическое положение города и области, и в этой связи готовы были передать власть любому владетелю, который был бы в состоянии выполнить эту задачу. Так, в том же 1096 г. Торос пригласил в Эдессу некоего Алпхилага, потомка Дулмэша, и «передал

²² Там же, с. 236—237.

²³ Там же, с. 248.

²⁴ Там же, с. 249.

²⁵ *Laurent J. Des Grecs* . . . , p. 405 — со ссылкой на Абу-ль-Фиду и Ибн аль-Асира.

²⁶ *Маттэос Урхайеци*, с. 250—251.

²⁷ Там же, с. 251.

Торос Урху в руки его, чтобы он отомстил врагам его»²⁸. После тридцатипятидневного правления Сельджукид решил разграбить город и уйти, но был убит. По-видимому, именно в это время внешнеполитическое положение Эдессы было наиболее тяжелым. Если верить тенденциозно освещавшему ее историю Альберту Ахенскому, стремившемуся оправдать захват города крестоносцами и убийство Тороса, в период правления последнего Эдесса отдавала заложников, сыновей нотаблей, т. е. ипшанов, в Самосату²⁹. Эти сведения подтверждает и Камал ад-дин, сообщающий, что в 1095 г. город отдавал заложников в Хaleb, т. е. Ридвану ибн Тутушу³⁰. Именно этим можно объяснить и тот факт, что после появления в Приевфратье крестоносцев Торос «послал к графу франкскому в Тель Башир и пригласил его к себе на помощь против врагов своих из-за притеснений, которые он имел от соседних эмиров»³¹.

Хотя об «Иерусалимской истории» Альберта Ахенского сложилось представление как об источнике компилятивном и неравноценном, при описании эдесских событий 1098 г. автор несомненно опирался на сведения их непосредственного участника. Он явно стремился создать впечатление, будто свержение Тороса явилось сугубо внутренним делом, будто крестоносцы либо оставались безучастными свидетелями событий, либо посредниками, благожелательно настроенными к куропалату и пытавшимися спасти его. При всей своей тенденциозности хронист дает довольно полное и точное представление о событиях марта 1098 г. в Эдессе. Судя по его рассказу, при появлении крестоносцев в Тель Башире «герцог города Роха прислал к Балдуину епископа этого города вместе с двенадцатью старшими городскими префектами, по совету которых в этой стране все творится, чтобы он с . . . рыцарями спустился в Эдессу и защитил ее от набегов турок, получив взамен всю власть в управление и все доходы наравне с герцогом». Балдуин отправился в Эдессу, где его встретили «сенаторы города и все население». Оскорбленный торжественной встречей графа горожанами, хотя он «сам призвал его в город по совету двенадцати сенаторов для защиты от врагов», Торос «отказал ему в том, чтобы управлять городом и страной, и в том, чтобы считать его равным себе при получении каких-либо доходов и дани. Он сказал, что даст Балдуину много золота и серебра. . . если тот изъявит готовность выступить защитником указанных мест и всего города и окрестностей от. . . набегов турок». Иначе говоря, графу было предложено стать наемником города, но он отказался, заявив, что тотчас отправится назад. «Когда двенадцать главных сенаторов и первейшие горожане и все остальные жители узнали об этом. . . то отправились к герцогу и всячески умоляли его, чтобы он. . . не позволил графу уйти и сделал его своим союзником и во власти и в управлении городом. . . поскольку город и вся страна могут быть надежно защищены только при содействии Балдуина и его войска». «Когда герцог увидел приверженность и благожелательство двенадцати сенаторов и всех горожан к Балдуину», он был вынужден усыновить графа, после чего тот во главе отряда рыцарей³², а также «войск города и пехоты области» совершил успешно закончившийся поход против Самосаты³³. «Спустя немного дней сенат и все горожане Эдессы. . . удостоверились

²⁸ Там же, с. 252. К. Каэн считает его Алп Илеком, сыном Кутулмыша и братом Сулеймана. См.: *Cahen Cl. Outlumusch et ses fils avant l'Asie Mineure. — Der Islam, 1964, Bd. 39, p. 27, n. 55.* Сельджукид опирался на военные контингенты, после его убийства ушедшие из города, но, кажется, не имел владений — именно потому он и был приглашен править Эдессой.

²⁹ *Alberti Aquensis Historia Hierosolimitana. — RHCoc., 1879, t. IV, lib. III, 21.*

³⁰ *Laurent J. Des Grecs. . . , p. 422, n. 1.* Михаил Сириец (*Chronique, III, 179*) отмечает, что в 1095 г. Торос урегулировал отношения с Ридваном.

³¹ *Маттэос Урхайеци, с. 260.*

³² *Alberti Aquensis Historia. . . , lib. III, 21, p. 353—354* (ср. перевод М. Стасюлевича. — *История средних веков. СПб., 1887, т. 3, с. 191*).

³³ *Ibid., 21, 354*, где хронист сообщает о триумфальном успехе графа. По известию же Маттэоса, эдесское городское ополчение, принявшееся грабить пригороды Самосаты, было обращено в бегство. См.: *Маттэос Урхайеци, с. 260.*

в благоразумии и твердости Балдуина в войне против турок и сочли, что под его властью город и цитадель будут спасены и защищены наилучшим образом».

В среде городской верхушки возник заговор, направленный против Тороса и имевший целью немедленную передачу власти в Эдессе Балдуину Фландрскому. Описание последовавшего затем мятежа горожан не оставляет сомнений в том, что его возглавляли ишханы Эдессы либо одна из группировок правящей городской верхушки. Стремящийся отвести от графа обвинение в соучастии в заговоре, Альберт Ахенский вкладывает в его уста во время переговоров с осажденным в цитадели Торосом следующие слова: «Все горожане и сенаторы этого города составили заговор, дабы умертвить тебя». Далее сообщается, что «весь совет и все горожане не желали слушать увещаний Балдуина» сохранить Торосу жизнь и куропалат был убит³⁴. Маттэос Урхайеци также пишет, что заговорщики «возбудили против Тороса толпу, которая разграбила дома его ишханов». Торос был осажден в цитадели и, получив от графа гарантии свободного ухода в Мелитену, «сдал цитадель в руки его. И Балдуин, как и ишханы города, вошли туда»³⁵. Балдуин Фландрский стал правителем Эдессы. Использовать его в качестве наемника не удалось. Акт усыновления должен был удержать графа в городе, а передача ему власти в Эдессе, даже путем насильственного устранения его предшественника, куропалата Тороса, являлась высшей ценой, которую могла и готова была уплатить эдесская городская верхушка за военную силу крестоносцев.

Однако единение недавних союзников было недолгим. Уже в ноябре 1088 г. «двенадцать принцев и местные жители» составили заговор с целью свержения власти Балдуина и направили посланца к туркам, обещая сдать им город. Заговорщики были выданы, их дома разрушены, имущество конфисковано, сами они брошены в тюрьму³⁶. Дальнейшие события показали, что Балдуину Фландрскому и его преемнику в должности графа Эдессы — Балдуину Буржскому пришлось пойти на компромисс с эдесскими сенаторами, продолжавшими сохранять влияние в городе. В 1101 г. граф потерпел поражение от Сукмана ибн Артука при Серудже и «с тремя своими людьми укрылся в цитадели Урхи и находился в положении жалком. И собравшиеся ишханы города пустили в город и возвратили ему трон его»³⁷. Следовательно, Балдуин Буржский, контролировавший лишь цитадель Эдессы, сохранил власть тоже благодаря поддержке городской верхушки.

В последний раз ишханы Эдессы продемонстрировали все влияние на судьбы города в 1107 г. В битве при Харране (1104 г.) граф Эдессы попал в плен к атабеку Мосула Джекермишу. Наместником Эдессы, правившим именем князя Антиохии — Боэмунда, а затем его преемника — Танкреда, стал племянник последнего — Ричард Салернский. В 1107 г. Балдуин Буржский освободился из плена и потребовал у Танкреда возвращения Эдессы. Началась усобица, в ходе которой граф потерпел поражение при Тель Башире и бежал в Равендан. «И когда узнали об этом в городе Урха, впали в скорбь из-за Балдуина, так как мертвым сочли его. И созвали собрание в церкви св. Иоанна при папиосе (архиепископе. — В. С.) франкском ради достижения (соглашения), ибо опасались, что (опять) попадает город Урха к Танкреду и (тот) отдаст его в руки Ричарда, ибо этот в то время, как владел городом, умножил гибельные деяния. . . И папиосу сказали: „(Пусть) вашему человеку и нашему будет поручено охранять цитадель города, пока нам тэр (не) станет известен“»³⁸. Прибыв в город, граф узнал о решении совета. По-видимому, это было сочтено посягательством на прерогативы графа как главы города. Последовали

³⁴ *Alberti Aquensis Historia*. . . , lib. III, 24, p. 354.

³⁵ *Маттэос Урхайеци*, с. 262.

³⁶ *Alberti Aquensis Historia*. . . , lib. V, 16, p. 442. Но о заговоре не знают Маттэос Урхайеци и Фультхерий Шартрский.

³⁷ *Маттэос Урхайеци*, с. 275.

³⁸ Там же, с. 308.

репрессии. Размах их был значителен: угрозе ослепления подвергся даже армянский архиепископ Эдессы³⁹.

В дальнейшем упоминания о совете ишханов города исчезают со страниц «Хронографии» Маттэоса Урхайеци. Вероятно, вследствие репрессий 1108 г. он утратил почву для легальной деятельности либо был уничтожен. Соотношение сил в данный период явно изменилось в пользу графа. Он был уже не столько правителем Эдессы, сколько владельцем обширных территорий от Самосаты до Мараша, опиравшимся на отряды вассалов из числа переселившихся на Восток рыцарей. В этих условиях граф уже мог не считаться ни с городской верхушкой Эдессы, ни с реакцией на свои действия со стороны его христианских подданных. Однако вряд ли исчезновение ишханов с политической арены может быть связано лишь с репрессиями Балдуина Буржского. Гонения происходили и ранее, но каждый раз совет двенадцати возобновлял свою деятельность, осуществляя фактическую власть в Эдессе. Надо полагать, что, став столицей графства Эдесского, город быстро утратил былое значение центра международной транзитной торговли, пути которой теперь прошли южнее — через Халеб и Дамаск. Постоянные войны крестоносцев с соседями, в свою очередь, не способствовали восстановлению безопасности торговых путей. Ее нарушение подрывало экономическую базу торгово-ремесленной верхушки Эдессы, постепенно терявшей свои позиции в сфере транзитной торговли. Последнее не могло не отразиться на руководящей роли ишханов во внутривнутриполитической жизни города, роль эта постепенно ослабевала. Репрессии 1098 и 1108 гг. лишь довершили крах.

В целом можно констатировать, что за всеми переворотами, совершавшимися в Эдессе на протяжении исследуемого периода, за частыми изменениями внешнеполитической ориентации города, видимо, стояли интересы различных группировок правящей городской олигархии (вспомним случаи свержения Смбата и Тороса), а может быть, и более широких слоев горожан, страдавших не столько от сельджуцких набегов и грабежей, отрицательные последствия которых бесспорны, сколько от нестабильности внешнеполитической ситуации на Ближнем Востоке и связанных с нею перерывов в транзитной торговле. Отсюда — и стремление ишханов Эдессы ценою подчинения одному из соседних владельцев, контролировавшему положение в Месопотамии и вообще на Ближнем Востоке, обеспечить безопасность как самого города, так и торговых путей, восстановить свои позиции в сфере международной торговли. Отсюда же — и панегирики Маттэоса Урхайеци Укайлиду Муслиму ибн Курайшу и Великому Сельджукиду Мелик-шаху, положительная оценка, данная им вхождению Эдессы в состав султаната Великих Сельджукидов, несмотря на то что это стоило жизни двенадцати ишханам, попытки самих ишханов сдать Эдессу Сельджукиду Алп Илеку и сдача ее Балдуину Фландрскому. Мотивы этого четко понимали современники — «из-за притеснений, которые город имел от соседних эмиров» (Маттэос Урхайеци), «для защиты от набегов турок» (Альберт Ахенский). Отсюда же — и попытки сената Эдессы по мере возможности контролировать и направлять ее внешнеполитическую ориентацию, приспособляясь к уже существующей или меняющейся ситуации, дабы «мир и покой великий был возвращен в Урху», как это имело место в 1086—1092 гг., когда, свергнув Парсаму, город открыл ворота наместнику Мелик-шаха.

³⁹ Там же.